

АГЕНТ
ГРУ

Александр
ШУВАЛОВ

**СМЕРТЬ
В ДВУХ
ЭКЗЕМПЛЯРАХ**

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш95

Шувалов, Александр.

Ш95

Смерть в двух экземплярах / Александр Шувалов. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 320 с. — (Агент ГРУ. Книга, написанная военным разведчиком).

ISBN 978-5-699-90166-1

Подполковнику ГРУ Станиславу Кондратьеву поручено найти и доставить в Россию секретное военное изделие, единственный экземпляр которого находится в одной из европейских стран. В свое время создатель этого прибора, российский ученый Арсений Нефедов, погиб при невыясненных обстоятельствах, едва успев объявить о своем изобретении. За изделием охотятся и ведущие спецслужбы Запада. Их агентура уже вышла на след секретной разработки. Кондратьеву предстоит сработать на опережение. Он приступает к выполнению задания, даже не подозревая, что ему отведена совсем иная роль, чем он предполагает...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-90166-1

© Шувалов А., 2016
© Оформление.
000 «Издательство «Э», 2016

Пролог

Не открою Америку, если скажу, что Россия — глубоко духовная страна и всяк в ней живущий, или почти всяк, тонко чувствует и глубоко переживает. Что, спросите, чувствуют и по какому поводу терзаются душой? Каждого глубоко заботит свое, заветное.

Например, наши вожди страдают оттого, что им достался не тот народ. Не японцы, со своим нечеловеческим трудолюбием, и не северные олени, которые, как известно, совершенно самостоятельно решают вопрос о пропитании, добывая ягель на завтрак, обед и ужин, и при этом не ноют о каких-то там индексациях, тарифах и прочих социальных пакетах. Зато совершенно безропотно отдают пастырям шкуру и мясо. И рога, для тех, кому своих не хватает, собственных.

Демократы переживают оттого, что их время безвозвратно прошло и халява закончилась. Обмелели молочные реки, куда-то подевались тазики с икрой, а к подъезду перестали подавать авто с мигалками. Только и остается теперь, что

оплакивать ушедшие непонятно куда сладкие моменты и потихоньку сдавать в аренду бизнесменам под офисы свободные площади во всяких там Почтовых переулках.

Наша доблестная полиция искренне переживает от засилья преступного элемента. Борьба с ним отвлекает работников правопорядка от столь любимой ими коммерческой деятельности.

Творческая интеллигенция прямо-таки разрывается от невозможности создать хоть что-нибудь эпохальное и полнейшего нежелания работать. Поэтому только и остается, что шляться по презентациям и привычно суетиться лицом, изображая «совесть эпохи».

С олигархами отдельная история. Как следует нахав и наевшись вкусенького в четыре горла, они вдруг с ужасом поняли, что совершенно не представляют себе, чего бы такого прикупить к уже имеющемуся для комплекта. А еще им вдруг очень захотелось, чтобы ими восхищались. Когда же выяснилось, что сие невозможно, многие по-настоящему расстроились.

О народе говорить не будем, потому как он в отличие от всех остальных всяким там страданиям и душевным метаниям совершенно не подвержен. Может быть, из-за того, что народ в России постоянно занят... выживанием.

Чиновники... Как метко заметил один остроумный писатель, наш служивый люд ощущает серьезный дискомфорт от необходимости жить

в той стране, которую так старательно грабит. Ездить, пусть и в машинах с мигалками, по хреновым дорогам, видеть из окошка все те же набившие оскомину пейзажи, встречаться ненароком взглядом с теми, кого шуришь, и ощущать их «искреннюю любовь». Насколько лучше было бы взять да проснуться в обычный будний день не в этой «рашке», а где-нибудь на Лазурном Берегу или в Лос-Анджелесе, штат Калифорния, вдохнуть свежий, чуть солоноватый морской воздух и вдруг всей душой и каждой клеточкой любимого организма осознать, что жизнь все-таки прекрасна и она таки удалась. Так и живут в муках.

Леонид Михайлович в отличие от многих себе подобных стойко переносил факт проживания в России и никуда из нее съезжать не собирался. Все потому, что чиновником он не был. Уже не был. По статусу его скорее можно было отнести к вельможам, людям, прочно стоящим у руля. Как-то совсем недавно один из ему подобных в беседе с журналюгами назвал их «новыми дворянами» и при этом даже ни капельки не смутился. А чего, собственно говоря, стесняться? Такая жизнь: есть быдло, есть те, кто это быдло пасет и ставит в стойло, а есть небожители, элита, кто руководит и направляет, держит в крепком кулаке и не дает разбрестись куда не надо.

Он высоко забрался, прочно устроился и собирался лезть дальше и выше, прямо к облакам. Был истинным патриотом и, если произносил

слово «Россия», обязательно добавлял «великая». Демонстративно не шлялся по всяким там Куршевелям и Сардиниям, предпочитая отдыхать от трудов праведных на Валдае. В общем, как в песне поется: загорал в Сочи, рыбачил на Волге, в Ростове солдатом служил. Деньги, правда, предпочитал хранить за границей.

Рано или поздно у любого «слуги народа» возникает финансовый вопрос. Не в том смысле, где бы перехватить до полочки, а куда девать излишки. Почему-то у всякого чиновника в процессе бескорыстного служения Отечеству вдруг появляется много денег. Непонятно только откуда. Когда они перестают помещаться в скромном служебном кабинете, их отвозят домой и хранят под кроватью или на антресолях. Потом они до упора заполняют собой жилплощадь, и вот тогда их относят в банк, желательно в иностранный. У нас в стране банки частенько сбегают неизвестно куда со всеми деньгами, еще они, бывает, лопаются. И вообще, подальше от лишних глаз положишь, на душе как-то спокойнее.

В то утро он, как всегда, приехал к себе, вознеся в персональном лифте на четвертый этаж и прошел в кабинет. Присел за стол, отхлебнул крепкого чаю из любимой кружки и раскрыл газету. Проверил, на месте ли три рабочих маркера, красный, зеленый и черный. Маркеры, естественно, были на месте. Настало время работы с прессой, целый час, в течение которого хозяина

кабинета никто и никогда не тревожил. И тут все вдруг пошло наперекосяк.

В дверь не то чтобы постучали, просто поскреблись. Раз, потом другой.

— Ну, кто там? — недовольно поднял голову от прессы хозяин кабинета.

В проеме двери показалось личико личного помощника. Удивленное и взволнованное.

— Леонид Михайлович, вам факс.

— Мне что? — опешил он.

Давно уже, лет десять, никто не слал ему, как какому-то начальнику ДЭЗа, факсы. Немногие вышестоящие звонили или присылали официальные бумаги с лощеными курьерами. Остальные, нижестоящие, привозили документы на подпись лично.

— Факс, — подтвердил помощник. — Пришел на секретариат.

— Откуда?

— Из... — Помощник назвал страну и банк.

— Давай сюда!

— Там все на английском...

— Я что сказал?! — рявкнул он.

Секретарь пискнул от страха, подошел на ватных ногах, положил на краешек стола бумагу и испарился. Леонид Михайлович подвинул листок поближе и углубился в чтение.

Через пять минут он поднялся, подошел к бару в углу кабинета, налил не глядя половину стакана и залпом выпил. Потом вернулся за ра-

бочий стол и взялся за телефон. Коротенько с кем-то переговорив, достал из кармана платок, вытер мокрое лицо и в полной растерянности проговорил:

— Черт знает что!

И действительно, произошедшее только так и можно было прокомментировать. Или даже чуть резче.

Дело в том, что Леонид Михайлович имел кое-какие деньжата, так сказать, скромную заначку на черный день. И хранил он их в одной тихой европейской стране, где в отличие от Швейцарии не производили ни часов, ни шоколада, зато банки там совершенно не уступали по надежности женевским, цюрихским или бернским и существенно превосходили их в плане конфиденциальности и священного трепета в отношении к клиентам. Недаром же там любили держать трудовые накопления нефтяные шейхи, президенты «банановых» держав и другая не менее почтенная публика. Ни разу за все время сотрудничества банк не давал повода усомниться в своей лояльности и высоком профессионализме. А тут вдруг такое...

Подписанный каким-то мелким клерком факс наглейшим образом извещал одного из привилегированных клиентов, что средства на его счетах заморожены и все банковские операции приостановлены. Объяснить причину этого хамства отправитель даже не счел нужным, зато в

конце послания настоятельно порекомендовал в самое ближайшее время лично появиться в банке и ответить на некоторые возникшие вопросы.

Президент банка отвечать на телефонный звонок не стал, а какой-то его третий или четвертый зам вежливо, но решительно посоветовал ни в коем случае не затягивать с приездом.

— Это в ваших интересах, — сообщил он и, извинившись, отключился.

Через час с небольшим, когда Леонид Михайлович уже успел не только отдать распоряжение о приобретении билета на послезавтра, но и еще немного выпить и успокоиться, зазвонил телефон. Его личный мобильный, номер которого знали очень и очень немногие.

— Слушаю, — сказал он в трубку.

— Доброе утро, Леонид Михайлович, — произнес совершенно незнакомый голос. — Как дела?

— Кто это? — изумленно спросил хозяин кабинета и посмотрел на экран трубки: «Номер не определяется».

— Мы пока незнакомы, — заявил этот некто. — Но не сомневаюсь, что в самое ближайшее время познакомимся и подружимся.

— Вряд ли, — сухо бросил Леонид Михайлович и отключился.

Больше неизвестный нахал его не тревожил. Весь день, до самого вечера. А день был очень и очень интересный. Хотя бы тем, что министр-

ство иностранных дел страны, в которой находился банк, вдруг взяло да и аннулировало въездную визу одному из наиболее уважаемых людей России. Без объяснения причин.

— Возникли определенные обстоятельства, — сообщил какой-то мелкий чин из министерства, с главой которого абонент был лично знаком. Соединить со своим шефом он отказался, мотивируя тем, что тот в данный момент играет в гольф с премьер-министром.

Вечером телефон опять зазвонил.

— Я слышал, — вкрадчиво проговорил неизвестный, — что у вас возникли некоторые проблемы. Хотите поговорить об этом? — Несмотря на то что он совершенно безукоризненно говорил по-русски, было ясно, что этот язык для него неродной.

Больше всего Леониду свет-Михайловичу хотелось прямо и без лишних церемоний послать его громко, от всей души и с переливами, после чего забросить трубку прямо в пылающий камин, но... Мало того, что перед ним реально замаячила перспектива лишиться очень приличных денег, вполне достаточных для приобретения парочки яхт класса «Пелорус» или «Алиша» и организации скромного банкета «для близких» по случаю обновления, возникла и реальная перспектива хорошенького скандала. Как известно, власть многое позволяет своим скромным труженикам, но лишнего шума не прощает.

— Что вам угодно? — хрипло спросил он. Дурацкий, согласитесь, вопрос, и школьнику понятно, что в таких случаях бывает угодно.

— Мне? — расхохотался неизвестный. — Абсолютно ничего. — И продолжил деловито: — У вас, как я уже говорил, возникли проблемы. Могут помочь в их решении. Вам ведь нужна помощь?

— Да, — шершавым голосом ответил Леонид Михайлович.

— Отлично, — бодро ответил собеседник. — Предлагаю встретиться и кое-что обсудить. — И нагло добавил: — А заодно как-нибудь оформить наши отношения. Что скажете?

А что было сказать? Леонид Михайлович прекрасно понимал, что его вербуют. Даже не вербуют, а подвербовывают, как участковый прилатненного алкаша за бутылку водки.

— Я не расслышал, — повторил неизвестный. — Что скажете?

— Назовите место и время...

Мораль сей истории проста и незатейлива, как железнодорожное расписание, и, что самое главное, в подобную запросто может угодить любой находящийся на госслужбе ворюга. Так что храните деньги в сберегательной кассе, а еще лучше — постарайтесь не воровать, не «пилить» бюджет и не увлекаться «откатами». Тогда, глядишь, и мы, все остальные, заживем немного лучше, а самое главное — честнее. Это нелегко, не спорю, но, может, все-таки стоит попробовать, а?

Часть первая

Бредя по жизни, как болоту,
Увеча хилые умы,
Творя ослиную работу,
Ослами становились мы...

*Отрывок из стихотворения,
обнаруженного автором
при раскопках Херсонеса.
Перевод
с древнехерсонесского —
его же.*

Скандинавия, конец лета, 2006 год

Он прошел, не снижая скорости, поворот и на выходе из него прибавил газу. Глянул в зеркало заднего вида — все без толку, расстояние между ним и преследователями не увеличилось, скорее даже наоборот. Машины у тех оказались ничуть не хуже, а водители — явно повыше классом, так что форы у него было не больше десяти минут.

Вообще-то он всегда старался не доводить дела до погони со стрельбой и беготней по крышам. Профессия шпиона по определению не предполагает излишнего пафоса и шумихи. Сделал свое «черное» дело и вали куда подальше,

не прощаясь. Именно так у него и получалось все прошлые годы. Но не в этот раз.

Пошел дождь, он включил дворники и глянул на часы — пора.

Достал из бардачка телефон, по памяти набрал номер. После третьего гудка с ним соединились.

— Рад, что вы объявились. Доложите обстановку, — произнес безжизненный, почти механический голос на безукоризненном французском.

— Это я, — ответил он и тут же принялся нести какую-то ахинею, что интересно, по-русски. — Беда, ой, беда, обложили орла сизокрылого волки позорные, обрезали крылья орлиные...

— Продолжайте. — Собеседника, судя по всему, совершенно не удивило, что волки, оказывается, могут не только обкладывать орлов, но и резать им крылья. — Если можно, подробно и в деталях.

— Куда уж подробнее, — проговорил он, на сей раз уже спокойно и деловито. — Отлетался, говорю, орел, отпел свою песню орлиную. Общий привет! — И, отключив телефон, набрал комбинацию цифр и выбросил трубку за окно, самоуничтожаться.

За время этой интересной беседы преследователи приблизились еще больше и катили теперь метрах в ста пятидесяти. Он сбросил

